

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Г57

Серия «Мастера магического реализма»
Jonathan L. Howard
JOHANNES CABAL, THE NECROMANCER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского: *Надежда Алексеева*

В оформлении использована иллюстрация *Сергей Неживясова*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

© 2009 Jonathan L. Howard
© Надежда Алексеева, перевод, 2019
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Ноэль и Энид Говард

И замер бег часов,
Но не каминных.
И чудеса женевских мастеров,
Увы, уж не заставят куклу
Бездвижную к нам выйти на поклон.

Эмили Дикинсон

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой ученый отправляется в Ад и заключает сделку

Вальпургиева ночь. Ночь ведьм. Последняя ночь в апреле. Ночь, когда зло свободно разгуливает по земле.

Заброшенное, безлюдное место — здесь его никто не потревожит, здесь можно укрыться от любопытных взглядов. Воздух наполнял запах только что пролитой крови — рядом лежало обезглавленное тело козленка. В правой руке человек сжимал клинок с тонким лезвием из чистой стали — никаких других металлов с примесями при нем не было. Рукав рубашки на руке, что держала меч, он закатал до самого плеча, так что было видно бицепс. В кармане жилета, завернутая в бумагу, лежала монетка. В костре у его ног полыхали белые поленья.

Звали его Иоганн Кабал. И он призывал демона. «...Оариос! Алмоазин! Ариос! Мемброт!» Произносимые им нараспев имена растворялись в необычайно тихой ночи. Лишь огонь потрескивал, составляя ему компанию. «Янна! Этитнамус! Зари-

атнатмикс... и далее, и далее». Иоганн втянул воздух и тяжело вздохнул: ритуал ему порядком наскучил. «А. Э. А. И. А. Т. М. О...»

В именах, которые он должен был назвать, имелся тайный смысл, как и в распеваемых им буквах. Правда, это вовсе не означало, что на Иоганна они производили впечатление или что он их одобрял. Пока он читал Великое заклинание, его не покидала мысль: от некоторых колдунов было бы куда больше пользы, составляя они кроссворды.

Пространство деформировалось, и вот уже Иоганн стоял не один.

Демон по имени Люцифуг Рофокаль был чуть выше Кабала при его росте в метр восемьдесят пять. Однако на голове демона громоздился нелепый шутовской колпак с тремя не то рогами, не то щупальцами, к которым крепились наконечники стрел. Рога (или же щупальца) беспрестанно колыхались, от чего Люцифуг становился то выше, то ниже. В одной руке у демона была сумка — там, пусть и чисто символически, лежали сокровища мира. В другой он держал золотой обруч. Кожаная юбка, состоящая из отдельных полос с нашитыми на них металлическими пластинами, наподобие птерюгесов, что носили спартанские воины, прикрывала мохнатые ноги, которые заканчивались копытами. Позади демона тянулся толстый хвост, как у муравьеда, а над верхней губой торчали дурацкие усики в стиле Эркюля Пуаро. Своей анатомией Люцифуг напоминал оживший рисунок из игры «Изысканный труп» (что вполне характерно для демона).

— Зри! Я есмь здесь! — воскликнул демон. — Зачем звал ты меня? Зачем покой мой потревожил? Не хлещи меня долее убийственным прутом! — Люцифуг посмотрел на Кабала. — А где твой убийственный прут?

— Дома оставил, — бросил Кабал. — Думал, не понадобится.

— Как же ты вызвал меня без убийственного прута? — в ужасе воскликнул Люцифуг.

— Ну ты же здесь, разве не так?

— Так, но ты заманил меня сюда обманным путем. У тебя нет ни шкуры козла, ни двух венков вербены, ни двух восковых свечей, изготовленных девственницами и благословленных должным образом. А камень под названием Эматилль?

— Понятия не имею, что за Эматилль.

Демон, который и сам не представлял, что это был за камень, сменил тему и продолжил перечислять:

— Четыре гвоздя из гроба умершего ребенка?

— Прекрати говорить глупости.

— Полбутылки бренди?

— Не пью бренди.

— Да не для тебя.

— Есть фляжка, — сказал Кабал и бросил ее Люцифугу. Демон поймал флягу и сделал глоток.

— Твое здоровье, — Люцифуг вернул флягу.

Какое-то время они разглядывали друг друга. Наконец демон заметил:

— Бедлам полнейший. Ты зачем вообще меня призвал?

Врата Ада являли собой впечатляющее зрелище. На пустынной равнине Чистилища из растрескавшейся спекшейся земли взмывал вверх огромный несокрушимый камень полтора километра в ширину и три в высоту. С одной стороны этого внушительного неприступного мегалита располагались сами Врата: массивная железная конструкция простиралась на десятки метров вдаль и устремлялась на сотни метров высь. На грубых, почти необработанных створках оспинами тянулись неровные ряды больших плотно закрученных болтов и такие же неровные широкие медные полосы. Простительно считать, будто Ад — местечко популярное.

Звучит удивительно, но, похоже, так оно и есть.

Стоя перед Вратами, не перестаешь гадать, что же случится, когда ты пройдешь сквозь этот жуткий, не щадящий никого портал. Одни считают, будто весь Ад уместился в камне и внутри ломается само представление об измерениях. Другие говорят, что сразу за Вратами, в полый породе, находится огромная расселина, ведущая в преисподнюю, — стоит переступить черту, и проваливаешься вниз, навстречу уготованному тебе вечным мучениям. По мнению третьих, внутри камня начинается большой эскалатор. Никто снаружи не ведал, что же скрывается по ту сторону Врат, но каждый жаждал узнать, ведь все — все, что угодно, — было лучше, чем заполнять формуляры.

Множество формуляров. Целые горы формуляров. В среднем, чтобы попасть в Ад, требовалось заполнить около девяти тысяч семисот сорока семи форм. В самом большом документе содержалось

пятнадцать тысяч четыреста девяносто семь вопросов. В самом коротком — всего пять, однако эти пять были написаны издевательски витиевато и злонамеренно двусмысленно, использовали мудреную фразеологию и заковыристую грамматику. В мире живых они непременно породили бы целую новую религию, ну или как минимум стали основой для курса по менеджменту.

Формуляры считались первой пыткой в Аду, и придумала их не иначе как душа банковского клерка.

Конечно, заполнять формы было совсем необязательно. Однако, в противном случае, человеку предстояло провести вечность нагишом в бескрайней пустыне, не ведающей, что такое ночь. Поэтому рано или поздно большинство все же вставали в очередь у будки привратника. В окошке они получали форму АААА/342 «Предварительная заявка на заселение в инфернальные владения Аида» и мягкий карандаш.

Вереница исполненных надежды просителей извивалась вокруг будки, словно кто-то решил проверить, насколько хватит коробки шариковых ручек, и начертил длинную линию. Некогда безмолвную пустыню теперь наполнял монотонный гул приглушенных голосов, зачитывающих вопросы, и шелест перелистываемых страниц. Новички плечом к плечу с уже матерыми душами терпеливо ожидали своей очереди, чтобы сдать или получить формуляр. Кратчайший маршрут в этой бумажной волоките, который обеспечивал быстрый проход в Ад, предусматривал заполнение двух тысяч семисот восьмидесяти пяти формуляров, однако еще ни один кандидат не подхо-

дил под требования, которые гарантировали бы ему подобное счастье. Большинству предстояло заполнить раза в три или четыре больше бумаг, не говоря уже о формах, не принятых из-за ошибок. Специально отобранная команда чертей-администраторов, что отвечала за пропуски, ошибок не любила, а стирабельные резинки они не выдавали.

Сквозь бормочущую толпу, переступая через тех, кто заполнял формы, и даже не думая извиняться, прокладывал себе путь бледный мужчина. Иоганн Кабал шел по Аду.

Голову его венчала копна светлых волос. Мужчине еще не исполнилось тридцати, но в облике уже не осталось и следа молодецкого духа. Не было в Кабале ничего примечательного, разве что решимость и целеустремленность, с которой он продвигался к будке привратника, да одежда.

— Эй, поаккуратнее там! Под ноги смотри! — рявкнул Аль Капоне, бившийся над словом «венерический», которое ему никак не удавалось написать правильно, когда Кабал перешагнул через него.

— Почему бы тебе не... — возмущенная фраза оборвалась на полуслове. — Эй, поглядите-ка! Парень-то одет! На нем одежда! — заголосил мафиози.

Парень и правда был одет. Короткий черный сюртук, черная шляпа с опущенными полями, черные штаны, черные ботинки, белая рубашка и аккуратный черный галстук. Глаза скрывали очки с темно-

синими стеклами и боковыми щитками. В руке он держал кожаный саквояж. Наряд ничем не примечательный, но все же наряд.

В пустыне Чистилища впервые произошла настоящая сенсация. Обреченные на вечные муки раступались перед Кабалом, который воспринимал подобное поведение как должное. Кое-кто из местных предположил, что незнакомец — посланник с Той стороны и что близится конец света. Другие спорили с ними и ссылались на Откровение, в котором ни слова не говорилось о человеке в черной шляпе и приличных ботинках.

Кабал прошествовал напрямик к будке привратника и ударил ладонью по стеклу. Он смотрел по сторонам в ожидании, когда ему ответят, а проклятые съеживались под его бездушным и безразличным взглядом.

Распахнулось окошко.

— Чего тебе? — спросил хитроватого вида мужчина по имени Артур Трабшоу, лицо которого так и не утратило выражения, присущего банковским кассирам на земле.

Сартр однажды написал: «Ад — это другие». Так уж получилось, что одним из этих других стал Трабшоу. Пока он был жив, то работал клерком в захудалом банке заштатного городишки в захолустье Старого Запада. Все его существование проходило под знаменами бюрократии и педантизма: он аккуратно выводил «Т» на Т-счетах и ставил точки над каждой «і». Трабшоу вел двойную бухгалтерскую запись своей двойной записи, документировал все

вычерченные перекладки над буквой «Т», сводил в таблице все точки над «i» и «j», перечеркивал ноль, чтобы не спутать его с буквой «О», и заштриховывал относительную частотность на круговой диаграмме, которую постоянно обновлял.

Преисполненная разнузданного следования правилам, жизнь Артура Трабшоу оборвалась внезапно, когда во время ограбления банка он получил пулю. Погиб он вовсе не героически, разве что кто-то сочтет достойным похвалы тот факт, что Трабшоу даже с бандитов потребовал расписку.

В Аду он с тем же рвением уделял внимание ненужным мелочам, демонстрировал склонность к педантизму, преданность ничтожно тривиальным вещам, которые отравляли его душу при жизни и обеспечили ему путевку в Ад. С его маниакальной любовью к порядку, царящий в преисподней хаос должен был стать для Трабшоу идеальным наказанием. Но мужчина воспринял Тартар как брошенный ему вызов.

По первости демоны, откомандированные мучить Трабшоу, злобно посмеивались над его попытками и пускали слюнки в ожидании главного блюда — разбитых надежд Трабшоу. Однако вскоре демоны обнаружили, что, пока они хохотали, Трабшоу рационализировал график пыток, что повысило их максимальную эффективность, оценил производительность и временные затраты чертей и между делом прибрался в ящиках с нижним бельем у князей и княгинь тьмы. Лилит после этого места себе от стыда не находила.

Сатана, не привыкший разбрасываться талантами, оценил непревзойденный дар Трабшоу выводить людей из себя и назначил его ответственным за допуск в Ад. В преисподней появился новый неофициальный круг.

— Я желаю видеть Сатану. Немедленно. — Фраза прозвучала отрывисто, в голосе Кабала слышался легкий немецкий акцент. — Мне не назначено.

К этому моменту Трабшоу уже заметил одеяние гостя и перебирал в голове возможные тому причины.

— И кто же тут у нас? Архангел Гавриил? — Трабшоу собирался пошутить, но в середине фразы передумал и сменил насмешливый тон. Что, если это и правда был архангел?

— Меня зовут Иоганн Кабал. Сатана меня примет.

— Так значит, ты у нас не какая-нибудь шишка? Кабал одарил его суровым взглядом.

— Не мне судить. А теперь отвориай двери.

Одет, не одет, какая разница. Трабшоу почувствовал, что он в своей стихии. Привратник вытащил копию формуляра АААА/342 и пододвинул бумаги Кабалу.

— Придется, мистер, тебе их заполнить! — Трабшоу позволил себе смешок, напоминавший жуткое карканье механической вороны.

Пробежав глазами первую страницу, Кабал вернул листы.

— Вы меня не поняли. Я не собираюсь оставаться. Я по деловому вопросу. Мне нужно кое-что обсудить с Сатаной, а после я покину это место.

Любопытствующие души пораскрывали рты в немом изумлении.

Глаза Трабшоу превратились в щелки.

— Уйдешь? Отсюда? Ну да, конечно. Я вот думаю, никуда ты не уйдешь. Это Ад, сынуля. Это тебе не по девкам бегать: захотел — пришел, захотел — ушел. Нечего тут ужом изворачиваться. Помер — значит, остаешься. Так всегда было и будет. Слыхал, что я говорю?

Кабал долгое время сверлил привратника взглядом. Затем он улыбнулся — губы его вздернулись вверх в жуткой леденящей усмешке. Толпа затаила дыхание. Кабал нагнулся к Трабшоу.

— Послушай, ты, жалкий человечиска... жалкий мертвый человечиска. Ты в корне ошибаешься. Я не умер. Пробовал когда-то — не понравилось. Сейчас, в этот самый момент, пока я смотрю в твои слезящиеся зыркалки, зыркалки трупa, я абсолютно живой. Мне стоило огромных трудов сюда добратся, пришлось прервать работу, и все это чтобы поговорить с твоим боссом, подлым падшим ангелом. Так что давай отворяй двери, пока не пожалел о своем поведении.

Все тут же уставились на Трабшоу. Намечалось то еще зрелище.

— А вот и нет, мистер «Я живой и в роскошных штанах», не открою. И сожалеть об этом тоже не буду. А знаешь почему? Да потому, что я, как ты точно подметил, несмотря на эти свои дурацкие очки, мертв. Что еще лучше, я тут на службе. Слежу за тем, чтобы люди заполняли формуляры. Все до единого. Иначе